

Пролог

Март, 1941 г., Москва

Иосиф Виссарионович Сталин, ссутулившись, сидел в своем кремлевском кабинете — огромной комнате с большим столом, накрытым синим сукном, он поглядывал на стены, обитые дубовыми панелями, и пил из стакана с подстаканником крепкий янтарный чай. Перед ним лежали бумаги, присланные из отдела социалистической культуры при ЦК ВКП(б). Несколько минут назад он уже ознакомился с подробным докладом. В нем содержалась просьба Народного комиссариата по культуре разрешить ведущим сотрудникам Академии наук провести научную экспедицию в Самарканд. Целью этой экспедиции были раскопки предполагаемого захоронения Тамерлана в мавзолее Гур-Эмир.

Иосиф Виссарионович подумал, что никогда не смог бы отказать в такой просьбе. Кто угодно, только не он.

Вождь всех времен и народов кривил душой. В тысяча девятьсот двадцать девятом году к нему уже обращались по поводу вскрытия могилы.

Некий археолог Михаил Массон подал прошение в Совет народных комиссаров Узбекистана. К прошению прилагались исследования инженера Мауэра, утверждавшего, что еще в двадцать пятом году магнитные наблюдения над могилой

Тамерлана подтвердили наличие в ней большого парамагнитного стального тела и других металлических предметов.

Массон упоминал о таинственном свечении, порой возникавшем над гробницей, и о странных звуках, доносившихся из мавзолея. Однако его прошение тогда не удовлетворили. Совет народных комиссаров Узбекистана просто посмеялся над документом.

Разумеется, обо всем было доложено ему, Сталину, и тогда он не настоял на раскопках. А ведь можно было бы вызвать этого Массона в Москву и поговорить.

Иосиф Виссарионович оправдывал свой поступок тем, что в конце двадцатых годов было не до Тамерлана. Если бы на годик-два позже — он бы удовлетворил прошение.

Личность Тамерлана всегда привлекала его, и он понимал почему. Вождь пролетариата знал, что многие из его окружения сравнивали его с Тимуром: оба хромали, и у обоих были похожими прозвища: Тамерлан — Железный хромец, а он — Сталин, сталь, тоже крепкий металл.

Сталин вспомнил, что заинтересовался великим полководцем, когда его стране понадобились герои. И тогда судьбы выдающихся людей различных эпох советские пропагандисты стали адаптировать к советской идеологии. Роман Алексея Толстого «Петр I» включили в школьную программу как произведение социалистического реализма, а потом по нему сняли фильм.

Иосиф Виссарионович вознамерился изучить биографии великих людей — разве вождь

пролетариата не должен знать о них все? Потом это здорово пригодилось.

В тысяча девятьсот тридцать первом году к печати подготовили серию книг «Жизнь замечательных людей», и только ему приходилось решать, кто из них, оставивших свой след в истории, наиболее замечателен.

Тамерлан сразу заинтересовал его. Он нашел, что они были чем-то похожи — о нет, не своей хромотой. Один — простой сын эмира Тарагая, очень дальний родственник Чингисхана, из-за этого не смевший претендовать на ханский трон, другой — сын сапожника из Гори, недоучившийся семинарист. Оба мечтали создать великие государства со справедливыми законами. И разве у них это не получилось? И разве известное изречение Тамерлана: «Справедливость не в силе, а сила — в справедливости» — не подходит ему? Разве он не руководствовался во всем прежде всего справедливостью?

Подумав об этом, Сталин откинулся на спинку стула, и на его землистом, с оспинками, лице появилось нечто вроде улыбки.

Он обмакнул в чернильницу перьевую ручку и размашисто подписал разрешение на вскрытие гробницы Тамерлана.

Глава 1

Самарканд. Июнь, 1941 г.

Возле мавзолея Гур-Эмир, в котором находилась гробница Тамерлана, построенного Великим эмиром для старшего внука и представляв-

шего собой величественное здание с гигантским ребристым куполом, с утра было многолюдно. Видные ученые — историки и антропологи, вытирая обильный пот (на улице стояла жара), оживленно разговаривали, обсуждая архитектуру мавзолея:

— Говорят, этот купол изобрели еще во времена Тимура...

— Нет, у нас уже бытует версия, что он привез его из Дамаска...

Оператор Карим Маликов, именно ему оказали честь запечатлеть на пленку важное событие, сжимая в потной руке кинокамеру, подошел к профессору Александру Ивановичу Кириллову, высокому тучному мужчине с венчиком седых волос на лысине.

— Александр Иванович, можно вас на минутку?

Профессор, что-то обсуждавший с коллегой, таджикским историком Махмудовым, недовольно посмотрел на Карима.

— Ну, что такое?

— Мне нужно с вами поговорить. — Маликов был бледен, под глазами залегли черные полукружья. — Немедленно поговорить, понимаете?

Кириллов важно кивнул:

— Говори при моих друзьях, у меня нет от них секретов.

Махмудов, блестя влажными антрацитовыми глазами, с любопытством уставился на кинооператора.

— Что случилось?

Карим вздохнул, откинул назад прядь непослушных смоляных волос и заговорил:

— Я вчера зашел в чайхану... Там уже сидел какой-то старец в белой чалме... Он будто ждал меня, понимаете?

Ученые переглянулись. Александр Иванович хмыкнул:

— И что? Он произвел на тебя впечатление?

Карим нахмурился:

— Думаю, на вас он тоже произвел бы впечатление. Этот старик знал, кто я и зачем приехал в Самарканд.

Махмудов рассмеялся:

— И только? Да пол-Самарканда знает, что в город приехали ученые, чтобы вскрыть гробницу Тамерлана.

Маликов замотал головой, и черная прядь опять упала на смуглый лоб.

— Он знал, как меня зовут. Знал, что я кинооператор...

— Мальчик мой, — недовольно проговорил Кириллов, — прекрати задерживать нас всякой ерундой. Разве ты не обращал внимания, сколько народу толкается у гостиницы, где мы остановились? Твой старец мог увидеть тебя и поинтересоваться, кто ты. Ему, разумеется, ответили, потому что никто не делал из этого тайну.

Карим помрачнел:

— Хорошо, но это не все. Он сказал мне, что мы не должны вскрывать гробницу Тамерлана, потому что она проклята. Существует предание: если кто-нибудь когда-нибудь осмелится это сделать, разразится кровопролитная война. — Он закрыл глаза и процитировал: — «Кто вскроет могилу Тамерлана, выпустит на волю духа

войны, и начнется война такая кровавая и страшная, какой мир не видал во веки вечные».

Коллеги снова переглянулись и рассмеялись.

— Ты вроде неглупый человек, — буркнул Александр Иванович и промокнул лысину несвежим платком. — Неглупый и немолодой, а несешь око-лесицу. Да, нам известно: в древности люди верили, что с мертвыми шутки плохи. Но мы живем в такие времена, когда правит бал наука.

— Расслабься, дорогой, и забудь о своем старце, — подхватил и Махмудов. — Коллега, мне кажется, пора приступать.

Кириллов наклонил голову, и оба прошествовали к группе молодых ученых, державших в руках разные инструменты для вскрытия могилы. Группа миновала знаменитое нефритово-черное надгробие Тамерлана и направилась в подвал, где и находились все захоронения.

Профессор поймал любопытный взгляд хорошенькой черноглазой девушки-узбечки, судя по всему, студентки, смотревшей на него с восхищением.

Подмигнув студентке, Александр Иванович распорядился начинать и подозвал Маликова. Кинооператор настроил кинокамеру и приготовился снимать.

Могилы Тимура находилась в центре подвального помещения мавзолея; ее надгробье представляло собой очень массивную, грубо отесанную плиту серого известняка, поверх которой на ганчевом растворе была прикреплена другая, тонкая плита из оникса, покрытая тончайшим резным узором посвя-
10 тительной надписи. Погребальная камера,

сложенная из массивных известняковых блоков, хорошо пригнанных между собой, прямоугольная, три метра шириной и метр глубиной, как оказалось после вскрытия, вмещала в себя деревянный гроб, формой ничем не отличавшийся от современных.

Когда студенты, в том числе и черноглазая красавица, хорошо расчистили могильную плиту, надписи на ней удалось разобрать.

— На древнеарабском, — прищурившись, заметил Махмудов и перевел: — «Все мы смертны. Придет время, и мы уйдем. До нас были великие и будут после нас. Если же кто возгордится и вознесется над другими и потревожит прах предков, пусть постигнет его самая страшная кара».

Карим дрогнул. Камера, стрекотавшая, как кузнечик, чуть не выпала из разом ослабевших рук.

— Вот видите! — вскрикнул он с надрывом, и профессор назидательно ответил:

— Разве ты не слышал, что такие надписи — обычное дело для древних могил? В те времена люди считали, что надписи подобного рода являются магической печатью, защищающей прах от надругательства? Но мы атеисты и не верим в подобную чертовщину. — Он подмигнул студентам, и те принялись работать дальше.

Они довольно быстро вскрыли крышку гроба, обнаружив костяк, лежащий на спине, с вытянутыми, сведенными в кистях, руками и вытянутыми ногами. Голова некогда могучего воина покоилась на правой щеке.

— Обратите внимание, — вмешался Махмудов, который, затаив дыхание, следил

за работой молодых ученых, — его голова была повернута в сторону Мекки.

Ловкие руки историков и антропологов бережно очищали кости и вытаскивали из гроба. Маликов стрекотал камерой, чувствуя, как по лицу стекает пот, но не от жары, а от предчувствия какой-то беды.

Когда желтоватые кости покинули саркофаг, Карим явственно услышал голоса, доносившиеся будто с неба: «Руссиш, дойчланд, руссиш, дойчланд». Голоса лезли в уши, будто иголками вонзались в мозг.

Кинооператор закрыл глаза и прерывисто задышал. Кружилась голова. Ему показалось: еще немного — и он упадет в обморок.

Преодолев приступ тошноты, Карим взял себя в руки и сосредоточился на вскрытой могиле. Ученые уже складывали кости в специальные ящики, студенты копошились на дне саркофага.

Шатаясь, Маликов подошел к Александру Ивановичу, тихо переговаривавшемуся с известным антропологом.

— Значит, вы уверены, что сможете восстановить внешность Тимура? — спрашивал он.

Антрополог улыбался и поглаживал седую бородку:

— Вам известно, что я постоянно этим занимаюсь. Череп отлично сохранился.

— Простите, — Карим тронул Кириллова за локоть. — Я чувствую, что произойдет что-то страшное, если мы не возвратим все в могилу. Прах

Тамерлана нельзя было трогать.

12 Александр Иванович покачал головой:

— Мы ничего не будем возвращать, и это даже не обсуждается. Вы закончили съемку?

— Да, но... — Маликов поднял руку, словно призывая к благоразумию, но профессор лишь коротко бросил:

— Отлично. Кажется, мы закончили.

Он позвал Мамудова, и они направились к выходу.

Карим беспомощно проводил их глазами. Он понял, что все его усилия предотвратить катастрофу оказались напрасными.

Красивая черноглазая студентка Фатима сидела в Историческом музее и кропотливо перебирала землю, извлеченную из могилы Тамерлана. К заданию профессора она всегда относилась очень внимательно и сейчас, смахивая капли пота с гладкого чистого лба, перетирала в длинных изящных пальцах маленькие комочки. Ее однокурсник Али возился в картотеке, изредка поглядывая на девушку. Он давно и безнадежно был влюблен в красавицу Фатиму, но она этого не замечала. Несчастный юноша много раз пытался заговорить с ней, пригласить в кино, однако Фатима прерывала его попытки. Его успокаивало одно: девушка, по разговорам ее подруг, никому из молодых людей не отдавала предпочтения. Она мечтала окончить университет и сделаться известным ученым-археологом. По мнению Али, зарыть в научных статьях и бумагах такую красоту с ее стороны было преступлением.

Просмотрев еще несколько карточек, юноша вновь обратил свои взоры на даму сердца и заметил, что из комочка земли выпало

что-то матово-блестящее, и Фатима подхватила это и спрятала в карман белой блузки.

Неужели присвоила какую-то ценность? Парень не мог смолчать.

Он отодвинул ящик с картотекой и подошел к девушке.

Она посмотрела на него своими раскосыми черными глазами, в которых не было и тени испуга.

— Ты что-то хочешь, Али?

Парень смутился, покраснел как рак и, заикаясь, выдавил:

— Я видел... Вернее, мне показалось... Ты что-то нашла в земле?

Фатима не изменилась в лице, не растерялась. Она спокойно придвинула к нему газету, на которой потрошила землю, и проговорила:

— С чего ты взял? Впрочем, сам взгляни. Тут ничего нет.

И все-таки какие-то необычные нотки в ее голосе заставили парня усомниться в искренности девушки.

— Но я видел... Ты что-то спрятала в кармане. Можно посмотреть?

Она медленно встала и, подойдя к нему, обдала горячим дыханием. Али потерял дар речи. Ее глаза находились совсем близко от него, руки обвили шею.

— Там ничего нет, — прошептала она, и его прошибла крупная дрожь и желание обладать красавицей. — Впрочем, если ты настаиваешь, я могу кое-что показать. — Ее пальчики проворно стали расстегивать пуговицы на блузке. — Но на это лучше посмотреть не здесь и не сей-

час. — Она припала жадным ртом к его трепещущим губам.

Али забыл обо всем на свете: прикосновение губ прекрасной Фатимы могло свести с ума кого угодно.

Глава 2

Самарканд, 1941 г.

Зульфия, пожилая невысокая женщина со смуглым некрасивым лицом и узкими черными глазами, отдернула занавеску и заглянула в маленькую, чисто убранную комнатку. Ее младший сын Али и его девушка Фатима, о которой она ничего не знала до вчерашнего дня, крепко обнявшись, спали на кровати.

Воспитанная в строгих мусульманских традициях, женщина не одобряла свободных отношений, но не собиралась читать Али нотации. Она заранее знала, что он ей скажет. И вообще Зульфия предпочитала не вмешиваться в личную жизнь своих детей, чтобы не быть виноватой. Жизненный опыт показывал: она поступала правильно. Два старших сына уже имели свои семьи, жили с женами душа в душу и подарили ей внуков. Сердце болело за младшего, более нежного и увлекающегося, чем его братья.

Интересно, что это за девушка? Он ничего о ней не рассказывал.

Зульфия покосилась на занавеску, прикрывавшую вход в опочивальню молодых, махнула рукой и прошла во двор, к примусу, автоматически включив радио, которое младший сын сам собрал и установил в доме.